

УДК 327

EDN: XQXQWK

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran120234557>

СИСТЕМА КООРДИНАТ РОССИЙСКО-ИТАЛЬЯНСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СФЕРЕ

Анатолий Сергеевич Щёкин

МГИМО МИД России, Москва, Россия, e-mail: as9416@yandex.ru,

ORCID: 0000-0001-6951-6687

Ссылка для цитирования: Щёкин А.С. Система координат российско-итальянских отношений в политической сфере // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2023. №1. С. 45-57. DOI: 10.15211/vestnikieran120234557

Аннотация. Статья посвящена анализу движущих сил российско-итальянских отношений, которые традиционно были для исследователей образцом прагматичного сотрудничества и взаимоуважительного диалога. Цель работы – выявить индикаторы, позволяющие объяснить и спрогнозировать успехи и провалы взаимодействия в критические моменты кризисов конца XX – начала XXI в. Автор предлагает систему из 4 координатных осей: 1) преимущество в политике – фактор личности; 2) сходства – расхождения приоритетов и инструментов внешней политики; 3) наличие – отсутствие общих институтов; 4) сильное – слабое давление международной среды. Их влияние на российско-итальянские отношения рассмотрено на примере четырёх кризисов: косовского (1999 г.), закавказского (2008 г.) и двух украинских (2014 г. и 2022 г.). Относительно сегодняшней ситуации в статье отмечается, что фактор личности после выборов в Италии в сентябре 2022 г. приобрёл положительное значение, но все остальные имеют отрицательные значения (приоритеты и инструменты внешней политики различаются; общие институты фактически отсутствуют; давление международной среды очень сильное) и будут оставаться таковыми как минимум до окончания горячей фазы конфликта. Статья предлагает теоретическую основу для анализа российско-итальянских отношений. Её результаты могут оказаться полезными для более глубокого понимания происходящих на международной арене процессов, учитывая высокую степень неопределённости и де-факто разрушение существовавшей ранее парадигмы взаимодействия между Россией и европейскими странами. Работа создаёт базу и для аналогичных исследований применительно к другим европейским государствам с целью сравнительного анализа и более всеобъемлющего осмысления принципов российско-европейских отношений.

Ключевые слова: российско-итальянские отношения, внешняя политика Италии, атлантизм и европеизм, мирное разрешение споров, кризис в Косове, кризис в Закавказье, украинский кризис, специальная военная операция.

Статья поступила в редакцию: 11.12.2022.

COORDINATE SYSTEM OF RUSSIAN-ITALIAN RELATIONS IN THE POLITICAL SPHERE

Anatoliy S. Schekin

MGIMO University, Moscow, Russia, e-mail: as9416@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-6951-6687

For citing: Schekin, A.S. (2023). Coordinate system of Russian-Italian relations in the political sphere. *Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN* 31(7): 45-57. (in Russian). DOI: 10.15211/vestnikieran120234557

Abstract. *The article analyzes the driving forces behind Russian-Italian relations, which have traditionally been a model of pragmatic cooperation and mutually respectful dialogue. The purpose of the work is to identify indicators in order to explain and predict the successes and failures of interaction at critical moments of crises in the late 20th and early 21st centuries. The author proposes a system of 4 coordinate axes: 1) political continuity – personality factor; 2) similarities – divergences of priorities and foreign policy instruments; 3) presence – absence of common institutions; 4) strong – weak pressure of the international environment. Their influence on Russian-Italian relations is reviewed on the example of four cases: the Kosovo crisis (1999), the Transcaucasus crisis (2008) and two Ukrainian crises (2014 and 2022). Regarding the current situation, the article states that personality factor acquired a positive value after the elections in Italy in September 2022, but all the others have negative values (priorities and foreign policy instruments are different; common institutions are virtually non-existent; international pressure is very strong) and will remain so at least until the end of the hot phase of the conflict. This paper offers a theoretical basis for the analysis of Russian-Italian relations. It may prove useful for a deeper understanding of international developments, given the high degree of uncertainty and the de facto breakdown of the pre-existing system of relations between Russia and the European countries. The work also provides a basis for similar research on other European countries in order to conduct a comparative analysis for a more comprehensive understanding of the principles of Russian-European relations.*

Key words: *Russian-Italian relations, Italian foreign policy, Atlanticism and Europeanism, peaceful resolution of disputes, Kosovo crisis, Transcaucasian crisis, Ukrainian crisis, Special Military Operation.*

Article received: 11.12.2022.

Российско-итальянские отношения часто рассматриваются в отечественном научном дискурсе как «привилегированное партнёрство» (Арбатова 2015: 121), образец конструктивного и взаимовыгодного сотрудничества России с государством Европы. В условиях начавшегося с 2014 г. охлаждения между Россией и Западом политика Италии по-прежнему была направлена на сохранение диалога с Россией, в чём эта страна была заинтересована даже больше, чем «такие давние и, казалось бы, надёжные партнёры России в ЕС, как Германия и Франция» (Гаврилова 2015: 128). Обе стороны неоднократно отмечали важность поддержания и развития двусторонних отношений. Так, посол России С.С. Разов в 2020 г. в ходе онлайн-брифинга назвал российско-итальянские отношения «стабильными и устойчивыми, особенно по сравнению с другими странами НАТО и Евросоюза». Италию он определил «приоритет-

ным партнёром» России в Европе (Разов 2020). Министр иностранных дел Италии Л. Ди Майо в том же 2020 г. в ходе визита в Москву подтвердил: «Россия – [наш] ключевой партнёр» (Глава МИД... 2020).

На этом фоне действия Рима после начала специальной военной операции (СВО) на Украине, выглядят как резкая смена курса сразу в трёх аспектах. Во-первых, уже 25 февраля 2022 г. премьер-министр М. Драги жёстко осудил действия России, назвав их «вторжением», «нарушением суверенитета свободного и демократического государства, международных договоров и самых фундаментальных европейских ценностей» (Draghi 2022). Ранее итальянские официальные лица стремились избегать таких жёстких формулировок.

Во-вторых, Италия сразу и полностью поддержала позицию США и ЕС относительно необходимости новых антироссийских санкций. Хотя ещё в феврале 2022 г. сообщалось, что страна активно участвовала в кулуарных переговорах внутри ЕС, чтобы избежать серьёзных последствий для своей экономики от возможных новых санкций в отношении России. В частности, Италия рассчитывала «обезопасить» энергетический сектор (Europe moves... 2022). Однако уже начиная с февраля – марта 2022 г., Рим начал лихорадочно искать альтернативы российским поставкам (за счёт их наращивания из других стран, прежде всего Алжира и Азербайджана; продления сроков службы угольных электростанций; перехода на альтернативные источники; режима экономии; прорабатываются планы по строительству газопровода *EastMed*). В результате к концу третьего квартала 2022 г. доля российских поставок в общем объёме потребления газа в Италии снизилась в сравнении с аналогичным периодом 2021 г. почти в 3 раза: с 41% до 14% (Esso come... 2022).

В-третьих, уже с 25 февраля Италия начала оказывать Украине активную финансовую, гуманитарную и военную помощь. 28 февраля парламент пошёл на беспрецедентный шаг, одобрив поставки на Украину летального оружия. Список вооружений был сразу засекречен, чтобы избежать споров в обществе и сохранить стабильность в правительстве, однако, по официальным сообщениям, Италия является одним из главных поставщиков вооружений Киеву (Guetta in Ucraina... 2022). Предположительно, речь идёт о противотанковых гранатомётах, переносных комплексах ПВО, лёгких и тяжёлых пулемётах, приборах ночного видения.

Возникает вопрос: почему именно кризис 2022 г. стал переломным в российско-итальянских политических отношениях (а не, например, 2014, как в случае с США или Великобританией), и Италия из «привилегированного партнёра» России стремительно превратилась в «недружественное» государство. Представляется, что данный «перелом» является иллюзорным и объяснимым. Чтобы доказать это, автором представлена система из четырёх координатных осей, на каждой из которых можно отметить условное «значение» – переменную. Их сочетание позволит спрогнозировать, насколько продуктивным окажется диалог между сторонами в данной конкретной ситуации. Эти переменные включают: 1) преемственность в политике – фактор личности; 2) сходства – расхождения инструментов внешней политики; 3) наличие – отсутствие общих институтов; 4) сильное – слабое давление международной среды.

Предлагаемая формула призвана дать общую картину взаимодействия в политической области в определённый исторический момент и, конечно, не может охватить всю её глубину. Так, экономические и культурные связи, роль каждого из государств на международной сцене в такой системе координат будут в ней внешними константами. Кроме того, предлагаемая модель способна лишь указать на наличие предпосылок к развитию сотрудничества и не может предсказать, будут ли они реализованы в полной мере с учётом неизбежно возникающих непредвиденных факторов. Так, интенсивность дипломатических контактов существенно снизилась в 2020 г. из-за пандемии коронавируса, а характер взаимодействия России и Италии по

Афганистану коренным образом изменился после прихода к власти талибов (запрещённое в России движение) в августе 2021 г. Тем не менее в условиях сегодняшней глобальной неопределённости крайне востребовано именно определение общей канвы, в рамках которой могут развиваться отношения Москвы и Рима в обозримом будущем. Можно ли надеяться, что нынешний кризис – лишь отклонение от долгосрочного тренда на взаимовыгодное сотрудничество или же мы стоим на рубеже нового этапа, и произошедшее в 2022 г. можно сравнить с событиями 1935 г., когда после периода стремительного подъёма советско-итальянские отношения ушли в глубокое пике.

Статья структурирована следующим образом: в первой части дано обоснование выбранных переменных; во второй – рассмотрено, какие «значения» они принимали в трёх «узловых точках», оказавших серьёзное влияние на характер отношений России со странами Запада (кризис в Югославии 1999 г., кризис в Грузии 2008 г. и украинский кризис 2014 г.); в третьей – полученные результаты экстраполированы на кризис 2022 г. и сделаны выводы относительно перспектив российско-итальянских отношений в политической сфере в будущем.

Переменные и их значения

1. Преемственность в политике – фактор личности. Внешняя политика Италии традиционно характеризуется высокой степенью преемственности, несмотря на частую смену правительств и премьер-министров. Преемственность определяется тем, что сфера внешней политики в Италии в целом выходит за рамки внутривнутриполитической борьбы и зиждется на двух столпах: атлантизме (приверженности НАТО и отношениям с США) и европеизме (приверженности европейской интеграции) (Маслова 2016: 107). Разные премьер-министры могли придавать различное значение каждому из этих столпов. Так, С. Берлускони видел Италию в качестве «протагониста» мировой политики и не желал связывать её решениями коллективных органов ЕС, делая ставку на непосредственные доверительные контакты с лидерами мировых держав – США и Россией, в то время как Р. Проди, напротив, был сторонником вовлечения в работу многосторонних институтов ЕС (Маслова 2016: 107). Однако если данные принципы входили между собой в противоречие, Италия всегда делала выбор в пользу атлантизма. Например, весной 2003 г., вопреки позиции большинства стран Западной Европы и лидеров ЕС – Германии и Франции, Италия поддержала вторжение США в Ирак, направив туда свои боевые формирования.

Однако, хотя общий вектор итальянской внешней политики сильно ограничен двумя фундаментальными принципами, в их рамках она «всегда носила сильный личностный отпечаток» (Арбатова 2015: 121). Так, в случае с Ираком выбор конкретных шагов оставался за премьер-министром, которым был С. Берлускони – сторонник сближения с США как инструмента для включения Италии в «мир протагонистов». Прямое вовлечение в боевые действия было во многом его собственной инициативой (Сроси 2003: 107). Для сравнения: в сентябре 2014 г., когда США начали формирование многонациональной коалиции для борьбы с террористами в Ираке и Сирии, Италия, в полном соответствии с принципом атлантизма, к ней присоединилась, но не принимала и не принимает участия в боевых операциях или их обеспечении, ограничиваясь гуманитарными миссиями и иными невоенными задачами. Такое решение можно объяснить желанием команды М. Ренци решать спорные вопросы «политическими», а не «техническими» средствами (Маслова 2014: 46).

2. Сходства – расхождения приоритетов и инструментов внешней политики. Глобальные приоритеты России и Италии во многом совпадают: обе стороны считают ООН важнейшей международной организацией, которая должна находиться в центре системы междуна-

родных отношений. Обе страны привержены верховенству международного права (хотя, находясь в западной парадигме, Италия считает т.н. «правила» неотъемлемой его частью; Россия же такую точку зрения отвергает). Основным механизмом, который страны применяют для разрешения международных вопросов и достижения своих внешнеполитических задач, также схож: прежде всего это многосторонний подход и готовность к диалогу. Так, Россия и Италия содействуют межливийскому урегулированию, поддерживая контакты со всеми сторонами конфликта (в этой связи символически конференция 2018 г. в Палермо и переговоры в Москве в 2020 г., которые посетили и глава правительства национального согласия Ф. Саррадж, и командующий Ливийской национальной армией Х. Хафтар). Даже в условиях разворачивавшегося с 2014 г. конфликта между Россией и Западом Италия всегда оставалась открытой к диалогу и именно это ценили российские дипломаты. В отличие от многих своих западных коллег, итальянцы умеют слышать контрагента и поэтому с ними можно вести диалог в расчёте, что они смогут донести позицию Москвы до других сторон, в меньшей степени к этому готовых.

Однако у каждой сторон есть свои ограничители этого инструментария и возможностей сотрудничества в данной сфере. Отчасти они обусловлены статусом государств на мировой арене. Россия – крупный игрок с интересами в разных регионах мира. Италия – «средняя держава», возможности которой проводить активную политику ограничены даже в приоритетном для неё регионе Большого Средиземноморья (Алексеевкова 22а: 82). Также открытость сторон к диалогу не абсолютна и возможна лишь в том случае, когда она не входит в конфликт с другими интересами. Так, Россия в 2008 г. не признала независимость Косова и отказывается от установления с ним отношений даже де-факто. Италия же поддерживает контакты с обеими сторонами и способствует налаживанию между ними прямого взаимодействия по наиболее актуальным вопросам, наподобие борьбы с коронавирусом (Orlando 2020), хотя и не является в полной мере беспристрастным игроком. В русле общезападной политики она оказывает давление на Сербию, вынуждая её признать независимость Косова. В Афганистане, напротив, Италия придерживается жёсткой линии, очерченной США, и отказывается от контактов с режимом талибов (запрещённая в России организация), в то время как Россия ещё в 2019 г. установила диалог с «Талибаном» и сегодня поддерживает с Афганистаном дипломатические отношения. С одной стороны, в таких ситуациях сокращаются возможности России и Италии сотрудничать в урегулировании кризисов, с другой – они могут стать важными взаимодополняющими игроками.

3. Наличие – отсутствие общих институтов. Российско-итальянские отношения не ограничиваются двусторонними форматами. Важную роль играет взаимодействие в международных организациях и на международных форумах. Так, в 1994 г. при активном содействии Италии, в т.ч. благодаря личной дипломатии премьер-министра С. Берлускони, Россия впервые приняла участие в работе «Группы семи» (G7). Возник формат G7+1. В 2002 г., также при поддержке итальянской стороны, был подписан «Основополагающий акт» и создан Совет Россия – НАТО. Такие диалоговые площадки давали Италии наилучшую возможность проявить себя в роли посредника. Например, в 2000 г. в ходе переговоров президента В.В. Путина и премьер-министра Дж. Амато обсуждалась возможность Италии стать посредником в переговорах о перспективах участия России в создании общеевропейской системы противоракетной обороны (Заявление для прессы... 2000). В дальнейшем данная тема действительно неоднократно поднималась в ходе двусторонних переговоров, хотя из-за сильного расхождения сторон практических договорённостей достигнуть не удалось.

Из международных организаций, в которых поддерживались наиболее активные россий-

ско-итальянские контакты, можно отметить ООН и ОБСЕ. Так, в Совете Безопасности ООН, где Италия занимала место непостоянного члена в 2007–2008 и 2017 гг., страны занимали схожие позиции в борьбе с международным терроризмом, взаимодействовали в рамках Контеррорристического комитета. А в 2006 г., когда разразился ливанский кризис, именно Италия и Франция внесли основной вклад в подготовку и проработку резолюции №1701 Совета Безопасности ООН с условиями прекращения огня (de La Messuzière 2006: 495). Что касается ОБСЕ, то, например, в 2018 г. Италия, будучи её председателем, предприняла попытку масштабного дипломатического наступления для урегулирования ситуации на Украине: поддерживала переговоры, прежде всего в рамках Нормандского формата, а министр иностранных дел Италии провела прямые переговоры с представителями России и Украины (La presidenza... 2018).

4. *Сильное – слабое давление международной среды.* На российско-итальянские отношения влияет восприятие сторонами процессов, происходящих на мировой арене и в европейском регионе. Италия, как отмечалось выше, полностью привержена принципу блоковой солидарности в НАТО (чуть в меньшей степени в ЕС, где она позволяет себе вступать в споры по чувствительным вопросам). Поэтому, если внутри ЕС или НАТО возникает устойчивый дискурс по какому-либо вопросу, Италия его принимает и начинает ему следовать. То есть здесь «значение» переменной – общий характер отношений между Россией с одной стороны и странами ЕС и НАТО с другой.

Анализ кризисов

Кризис в Югославии 1999 г. Главой итальянского правительства в тот момент являлся М. Д'Алема, представитель левых демократов, в прошлом член Коммунистической партии Италии. Столкнувшись с сильным недоверием со стороны США, он был вынужден доказывать приверженность принципам атлантизма, и во многом именно этот факт предопределил активное участие Италии в военной операции НАТО: она предоставила военные базы для самолётов Альянса, а её ВВС наносили удары по объектам на территории Югославии (Cасасе, Mammarella 2014: 266).

До начала операции Италия до последнего момента стремилась найти компромисс, провела самостоятельные переговоры с представителями Югославии и разработала приемлемый для Белграда план урегулирования (предусматривал размещение в Косове не военной, а гражданской миссии НАТО). Однако союзники отказались от данного проекта, и с началом боевых действий Итальянская Республика выступила на стороне НАТО. Но как только завершилась острая фаза, она вновь вернулась к попыткам комплексного урегулирования, приняв активное участие в работе миротворческого контингента (Сил для Косова, СДК), Миссии ООН по делам временной администрации в Косово (МООНК) и в переговорах «Контактной группы».

Именно эти многосторонние форматы дали возможность России и Италии сотрудничать в урегулировании косовского кризиса: Россия также принимала участие в их работе (кроме СДК, откуда она вышла в 2003 г.). Взаимодействие в их рамках неоднократно становилось темой двусторонних переговоров вплоть до провозглашения независимости Косова и развала переговорных площадок в 2008 г. Никакой информации о диалоге России и Италии по Косову с тех пор не публиковалось.

Кризис в Закавказье 2008 г. Как и в случае с косовским кризисом, в политике Италии летом 2008 г. сочетались две противоборствующие тенденции: с одной стороны, приверженность атлантической солидарности, с другой – стремление к посредничеству и диалогу. Первая тенденция выразилась в официальных заявлениях МИД Италии с осуждением действий

России. Вторая была во многом обусловлена личностью тогдашнего премьер-министра С. Берлускони. Имея «доверительные отношения» с В.В. Путиным, который в тот момент в России также занимал пост премьер-министра, С. Берлускони стал подходящей фигурой на роль посредника и постоянно проводил телефонные разговоры с лидерами стран G8 (Маслова 2011: 285).

По окончании острой фазы кризиса Италия приняла ограниченное участие в постконфликтном урегулировании: оказывала содействие работе МККК и УВКБ в Грузии. Она также направила 320 наблюдателей для работы в Миссии наблюдателей ЕС в Грузии (МНЕС), и её контингент был одним из самых крупных вплоть до 2011 г., когда она практически прекратила участие в работе Миссии по экономическим причинам. В запущенных в 2008 г. «жневских дискуссиях» Италия участия не принимает.

Украинский кризис 2014 г. На первом этапе кризиса (до переворота 21 февраля) Италия настаивала на необходимости диалога с Россией. Однако попытки диалога провалились, свидетелем чего стало нарушение оппозицией соглашения с руководством Украины, подписанного 21 февраля при посредничестве России, Германии, Польши и Франции. В ЕС и НАТО возобладал жёсткий подход, и Италия полностью его поддержала. 16 марта министр иностранных дел Ф. Могерини объявила, что «считает нелегитимным референдум об отделении Крыма» (Ucraina... 2014). С марта 2014 г. страна поддерживала все пакеты антироссийских санкций ЕС. Тем не менее в экспертном сообществе уже на этапе обсуждения санкций звучали предупреждения об их неэффективности и негативных экономических последствиях для самой Италии (Caselli 2014: 101). При этом, как и в 2008 г., Италия стремилась избегать конфронтационных формулировок. Так, вместо того чтобы обвинять Россию в несоблюдении Минских соглашений по примеру США, итальянские дипломаты использовали более обтекаемую формулировку «Нет альтернативы минским соглашениям» (Ucraina... 2017).

Не отказалась Италия и от попыток содействовать урегулированию конфликта, выступая в качестве посредника или предоставляя добрые услуги (т.е. содействуя установлению прямых контактов между сторонами и способствуя началу прямого диалога). Уже в марте 2014 г. она попыталась создать многостороннюю контактную группу по Украине, а после возникновения Нормандского формата активно содействовала его работе. Так, на полях саммита Азия – Европа в Милане в октябре 2014 г. по инициативе премьер-министра Италии М. Ренци и с его участием состоялся рабочий завтрак с канцлером Германии, премьер-министром Великобритании, президентами России, Франции и Украины, главой Еврокомиссии и председателем Евросовета. В тот же день в Милане состоялась встреча на высшем уровне в Нормандском формате. Активно задействовала Италия и другие площадки, прежде всего ЕС и ОБСЕ. Когда в июле – декабре 2014 г. страна стала председателем Евросоюза, министр иностранных дел Ф. Могерини 9 июля совершила визиты в Киев и Москву для переговоров от лица всего ЕС. В 2018 г. Италия предприняла аналогичные усилия уже в качестве страны – председателя ОБСЕ.

Фактор личности также сыграл определённую роль. М. Ренци, ставший премьер-министром Италии в феврале 2014 г., – молодой лидер, стремящийся к «обновлению» страны и повышению её значимости на международной арене (Маслова 2014: 47). Демонстрируя самостоятельность, в марте 2015 г. он посетил Россию, что стало первым визитом европейского лидера в РФ после начала украинского кризиса. Однако о более серьёзных проявлениях независимой позиции, наподобие блокирования продления антироссийских санкций, речи не шло.

Выводы и перспективы. Приложение теории к событиям 2022 г.

В каждом из рассмотренных случаев сложилась собственная комбинация «значений» переменных.

Начнём с анализа степени преемственности. Во всех рассмотренных случаях проявился один и тот же шаблон поведения Италии: когда кризис только разгорается и окно возможностей для переговоров открыто, она всегда вступает в диалог и представляет собственные пути урегулирования, основанные на вовлечении всех сторон. Затем, в момент «кульминации», Рим полностью солидаризируется с партнёрами по НАТО и ЕС. Наконец, после спада остроты кризиса Италия вновь выступает с собственными инициативами урегулирования, но уже с учётом той позиции, которая в момент «кульминации» была согласована в НАТО и ЕС. В этом заключается преемственность, её степень очень высока.

Однако фактор личности также играл свою роль. Так, с итальянской стороны он определял характер конкретных внешнеполитических шагов. М. Д'Алема, для которого кризис в Косово 1999 г. стал «крещением огнём» во внешней политике, решил продемонстрировать полную лояльность Вашингтону и попытаться повысить роль Италии в НАТО, для чего было необходимо прямое военное вовлечение в конфликт (Bucarelli et al. 2004: 36). В 2008 г. у власти находился С. Берлускони, одним из приоритетов во внешней политике которого было поддержание доверительных отношений с важнейшими мировыми игроками. Сказались также хорошие личные отношения В.В. Путина и С. Берлускони. В результате попытки медиации начались сразу после кульминации и стали наиболее интенсивными по сравнению с остальными рассмотренными кризисами. В 2014 г. фактор личности М. Ренци проявился преимущественно в символических жестах Италии, свидетельствовавших о её готовности к диалогу.

С российской стороны также наблюдается диалектическое единство преемственности и изменчивости. С одной стороны, на протяжении всего рассматриваемого периода постулируемые основы российской внешней политики (суверенитет, независимая внешняя политика, разговор на равных) оставались неизменными. С другой – личностный фактор в виде отношения президента В.В. Путина к ЕС и НАТО сказывался на общей атмосфере диалога. Если в начале 2000-х гг. у главы государства существовали надежды на успешную интеграцию с Европой, то после переломных этапов 2007–2008 гг. (Мюнхенская речь и конфликт в Закавказье) и 2014 г. (украинский кризис) эти надежды сменились разочарованием (Прудская 2019: 160).

Переменная соотношения целей и инструментов внешней политики сторон также проявилась во всех трёх кризисах. В 1999 г. обе страны были готовы применить весь арсенал политических и дипломатических средств. Однако Италия в момент начала операции «Союзная сила» временно отказалась от принципа диалога со всеми сторонами. Россия постепенно уходила от этого принципа в 2003–2008 гг. вследствие несогласия с действиями партнёров по урегулированию и провозглашения независимости Косова в 2008 г. Таким образом, изначально у обеих стран был сильно ограничен спектр возможностей для посредничества и развития диалога. В момент кульминации кризиса в Закавказье 2008 г., напротив, интересы Италии не были затронуты (прежде всего потому, что постсоветское пространство не входит в сферу приоритетных направлений её внешней политики), она никак не участвовала в конфликте, он ещё не воспринимался как столкновение между Россией и Западом. Потому Италия сохранила полную свободу рук и ситуация идеально подходила для реализации посреднического потенциала. В украинском же кризисе Италия сразу оказалась втянута в конфликт, так как помимо российско-украинского, он сразу же приобрёл и измерение «Россия vs Запад». В этой ситуации потенциал посредничества объективно снижался из-за резкого расхождения целей сторон.

Эффективные институты и площадки многостороннего сотрудничества во всех трёх

случаях были в дефиците. В 1999 г. Россия не доверяла партнёрам по Контактной группе и не чувствовала себя в ней равноправным участником, как и в СДК. МООНК носила скорее административно-технический характер и не могла служить реальной площадкой диалога. В 2008 г. в связи со скоротечным характером конфликта никакие специальные площадки не были созданы в период острой фазы, а старые не успели среагировать – во многом из-за саботажа со стороны ряда западных стран. Самой эффективной оказалась «сетевая» дипломатия между членами G8. В 2014 г. началась постепенная деградация имевшихся многосторонних площадок, которая продолжалась до 2022 г.: по инициативе Запада были фактически заморожены отношения по линии Россия – ЕС и Россия – НАТО, G8 прекратила своё существование, Совет Европы стал трибуной для критики действий Москвы (что привело к выходу РФ из него в марте 2022 г.). ОБСЕ оказалась не способна принять ни одно серьёзное политическое решение, кроме направления Специальной мониторинговой миссии на восток Украины в марте 2014 г. А возникшие профильные площадки (Нормандский формат и Трёхсторонняя контактная группа) не предусматривали участия в них Италии.

Наконец, влияние международной среды во всех трёх случаях проявилось негативно. Все три кризиса сопровождались охлаждением отношений между Россией и Западом. Но если в 1999 и 2008 г. после достижения нового статус-кво периоды охлаждения сменялись возобновлением контактов, то в 2014–2015 гг. Минские соглашения не стали отправной точкой для подобного сценария, потому что в ЕС и НАТО под давлением США, Великобритании и ряда стран Восточной Европы был сформирован устойчивый дискурс о конфликте России и Запада. Этот дискурс был фактически навязан Италии.

Обратимся теперь к событиям 2022 г. После начала специальной военной операции реакция Рима оказалась максимально жёсткой. Уже 24 февраля премьер-министр М. Драги выступил с осуждением действий России и заявил: «Диалог с Россией невозможен» (Russia-Ucraina... 2022). Как видим, ни о каком сглаживании острых углов речи уже не идёт. В русле общеевропейской политики Италия стала замораживать российские активы, поддержала жёсткие меры в отношении российского финансового сектора, стала продвигать идею потолка цен на российские энергоресурсы (Алексеев 2022b: 64). При этом ясно виден разворот в итальянском дискурсе, в т.ч. научном: если в 2014 г. энергозависимость от России трактовалась как аргумент против введения санкций, то в 2022 г. она стала основой для призыва к диверсификации импорта энергоресурсов, отказа от «токсичных» российских поставок (Gili 2022). Переговоров с Россией Италия не ведёт, выступить посредником не может и не желает. Несмотря на то что итальянское руководство говорит о необходимости скорейшего достижения мира, речь идёт о мире на украинских условиях (Alcaro 2022: 2). При этом Италия всячески демонстрирует солидарность с партнёрами по ЕС и НАТО, а также с Украиной (в частности, в июне 2022 г. М. Драги совместно с Э. Макроном и О. Шольцем посетил Украину, побывал в Буче и Ирпенé – населённых пунктах, которые украинская сторона выдаёт за места российских военных преступлений). Итальянские военные поставки Украине засекречены, однако в СМИ просачивается информация о самоходных гаубицах, боевых бронированных машинах, транспортных вертолётах, ПЗРК и других вооружениях. Поставки продолжают и после смены правительства: в январе 2023 г. стало известно о планах поставок зенитных ракет «Aspide» и «SAMP-T» (Quali armi... 2023).

Эти действия, хоть и выглядят беспрецедентными, полностью соответствуют тем «значениям», которые приобрели переменные после начала СВО:

1. Преемственность в политике полностью сохранилась, шаблон поведения остался неизменным: активные переговоры накануне обострения ситуации (телефонные переговоры;

поездка в Москву 17 февраля 2022 г. министра иностранных дел Италии Л. Ди Майо; прорабатывался вопрос о визите в Россию премьер-министра М. Драги) и полная солидаризация с позицией США, НАТО и ЕС после начала активной фазы. Следовательно, ожидать возобновления дипломатической деятельности Италии на этом направлении можно только после прекращения боевых действий. Так и происходит. Сегодня детали диалога Италии с Россией не придаются огласке. Мы можем лишь судить со слов министра иностранных дел Л. Ди Майо о том, что основная часть переговоров ведётся через посольства, главный приоритет Италии сейчас – решение гуманитарных вопросов (например, содействие экспорту зерна), а в перспективе – содействие установлению режима прекращения огня (Di Maio 2022). В октябре 2022 г. посол России в Италии С.С. Разов уточнил, что политические контакты между странами «сведены к необходимому минимуму» и касаются в основном технических вопросов, связанных с работой представительств (Интервью... 2022).

Усугубляет ситуацию фактор личности: на момент начала СВО правительство Италии возглавлял М. Драги – убеждённый европеист, в прошлом глава Европейского центрального банка, сторонник укрепления трансатлантического единства и активной политики в Большом Средиземноморье (De Luca 2021). Места для России среди его приоритетов не осталось. Так, М. Драги стал первым за последние 30 лет премьер-министром Италии, который ни разу не встретился с российским президентом.

Более сложная ситуация наблюдается сегодня. Двое из трёх руководителей партий, составляющих с 22 октября правую коалицию, всегда были настроены благожелательно по отношению к России. С. Берлускони имеет давние тесные связи с президентом В. Путиным и всегда считал Россию важнейшим внешнеполитическим партнёром. М. Сальвини в период пребывания в правительстве на посту вице-премьера и министра внутренних дел в 2018–2019 гг. также развивал контакты с Россией, в т.ч. по межминистерской линии, а в 2018 г. посетил Москву, где встретился с российским главой МВД В.А. Колокольцевым. Обсуждались вопросы противодействия терроризму и регулирования миграционных процессов (Владимир Колокольцев... 2018). Тем не менее на официальном уровне нынешнее правительство, и в частности премьер-министр Дж. Мелони, глава крайне правой партии «Братья Италии», не предпринимает шагов в сторону России, в том числе для того, чтобы не дискредитировать себя в глазах ЕС и НАТО, которые с самого начала с подозрением отнеслись к новому составу правительства.

2. Соотношение целей и инструментов внешней политики не способствует диалогу. В нынешнем кризисе, который уже в самом деле представляет собой конфликт между Россией и Западом, Италия не является сторонним наблюдателем. Как часть Запада, она также в него вовлечена и потому не может выступить в роли беспристрастного посредника.

3. Институты сотрудничества практически отсутствуют. Россия вышла из Совета Европы, работа ОБСЕ парализована. Единственной потенциальной площадкой диалога могла бы стать ООН, но и она превратилась в арену борьбы против России. Так, Италия является соавтором резолюций Генеральной Ассамблеи ООН «Агрессия против Украины» (принята 2 марта 2022 г.) и «Приостановление прав Российской Федерации, связанных с членством в Совете ООН по правам человека» (принята 7 апреля 2022 г.).

4. Давление международной среды строго негативное. США и их европейские союзники взяли курс на максимальное ослабление России и полное исключение её из мировой экономики и политики. Пока сохраняется такая ситуация и в российско-американских отношениях не будет найден новый *modus vivendi*, ни о каком развитии российско-итальянских отношений не может идти речи.

* * *

Таким образом, в предыдущих кризисах переменные, определяющие систему координат российско-итальянских отношений, могли приобретать разные «значения», среди них были и положительные, и отрицательные, благодаря чему удавалось компенсировать негативные факторы и продолжать развивать отношения. В 2022 г. знаки всех переменных по ряду объективных и субъективных причин оказались резко отрицательными. Исходя из опыта предыдущих кризисов, можно ожидать, что окно возможностей для диалога откроется лишь после затухания боевых действий и достижения договорённостей о новом статус-кво между Россией и США. Возобновлению диалога с большой долей вероятности в силу личностного фактора будет содействовать новое правительство Италии – сегодня это единственная переменная, которая внушает некоторые надежды. Но предпосылок к этому сегодня не просматривается. РФ по-прежнему сможет рассчитывать на ограниченное продолжение диалога и, как и ранее, попытаться использовать его, чтобы донести российскую позицию до других стран Запада, прежде всего США. Однако следует быть готовыми к тому, что эффективность такой «ретрансляции» в условиях «новой нормальности», сформировавшейся в отношениях между Россией и Западом в 2022 г., может быть серьёзно понижена.

Список литературы/ References

- Alcaro, R. 2022. Russia–Ukraine Talks and the Indispensable Role of the US and Europe. IAI. Available at: <https://www.iai.it/sites/default/files/iaicom2214.pdf> (accessed 04.02.2023).
- Bucarelli, M., Botta, F., Garzia, I. (2004). L'Italia e le crisi jugoslave di fine secolo (1991–1999). In: Botta F., Garzia I. (ed.) (2004). Europa adriatica. Storia, relazioni, economia. Roma-Bari: Laterza: 73-116.
- Cacace P., Mammarella G. (2014). La politica estera dell'Italia: dallo Stato unitario ai giorni nostri. Gius. Laterza & Figli Spa.
- Caselli, G. (2014). Affossare l'economia russa? Ci perdiamo tutti. Limes 12: 101-110.
- Croci, O. (2003). The End of Bipartisan Consensus? Italian Foreign Policy and the War in Iraq. Italian Politics 19: 99-114.
- de La Messuzière, Y.A. (2006). Lo status quo nel Vicino Oriente non è più sopportabile. Rivista Di Studi Politici Internazionali 73 (4 (292)): 493-498.
- De Luca, A. (2021). Draghi e la politica estera dell'Italia. ISPI. Available at: <https://www.ispi.online.it/it/pubblicazione/draghi-e-la-politica-estera-dellitalia-29339> (accessed 11.08.2022).
- Di Maio all'Onu: «Canali diplomatici con Mosca non sono indeboliti. Cessate il fuoco localizzati, poi generale». La Repubblica. 10.05.2022. Available at: https://www.repubblica.it/politica/2022/05/18/news/luigi_di_maio_onu_usa-350148054/ (accessed 11.08.2022).
- Draghi: Italia condanna invasione russa. Rai News. 25.02.2022. Available at: <https://www.rainews.it/articoli/ultimora/Draghi-Italia-condanna-invasione-russa--f4caa194-2fd9-4632-8e52-e6b2c9136a5b.html> (accessed 11.08.2022).
- Ecco come l'Italia ha saputo compensare nei primi dieci mesi del 2022 le forniture mancanti di gas dalla Russia. Il Sole 24 ore. 05.11.2022. Available at: <https://www.infodata.ilsole24ore.com/2022/11/05/ecco-come-litalia-ha-saputo-compensare-nei-primi-dieci-mesi-del-2022-le-forniture-mancanti-di-gas-dalla-russia/> (accessed 10.12.2022).
- Europe Moves to Shield Economy From Possible Russia Sanctions. Bloomberg. 17.02.2022. Available at: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2022-02-17/europe-moves-to-shield-economy-from-possible-russia-sanctions> (accessed 11.08.2022).

Gili, A. (2022). Missione: decoupling dal gas russo. ISPI. Available at: <https://www.ispionline.it/it/pubblicazione/missione-decoupling-dal-gas-russo-34074> (accessed 04.02.2023).

Guerra in Ucraina, Italia tra i pochi Paesi a non dare informazioni sulle armi inviate. «Secretare la lista? Nessuna giustificazione militare». Il Fatto Quotidiano. 19.05.2022. Available at: <https://www.ilfattoquotidiano.it/2022/05/19/guerra-in-ucraina-italia-tra-i-pochi-paesi-a-non-dire-nulla-sulle-armi-inviate-ecco-il-confronto-justificazione-militare-nessuna/6593638/> (accessed 11.08.2022).

La Presidenza italiana dell'OSCE nel 2018. Ministero degli Affari Esteri e della Cooperazione Internazionale. Available at: https://www.esteri.it/it/politica-estera-e-cooperazione-allo-sviluppo/organizzazioni_internazionali/osce/la-presidenza-italiana-dell-osce/ (accessed 11.08.2022).

Orlando, N. (2020). Europa e Kosovo: il momento delle scelte e il ruolo dell'Italia. Centro Studi di Politica Internazionale. Available at: <https://www.cespi.it/it/eventi-attualita/dibattiti/la-ue-i-balceni-la-scommessa-dell'allargamento/europa-kosovo-il-momento> (accessed 11.08.2022).

Quali armi forniscono all'Ucraina i Paesi alleati? Corriere della sera. 27.01.2023. Available at: https://www.corriere.it/esteri/23_gennaio_27/armi-ucraina-italia-germania-paesi-alleati-01234a86-9dba-11ed-9f51-64dfca2771aa.shtml (accessed 04.02.2023).

Russia-Ucraina, Draghi: «Con Mosca ora dialogo impossibile». Sky tg24. 24.02.2022. Available at: <https://tg24.sky.it/politica/2022/02/24/draghi-attacco-russia-ucraina> (accessed 04.02.2023).

Ucraina. Alfano: non c'è alternativa agli Accordi di Minsk. Ministero degli Affari Esteri e della Cooperazione Internazionale. 18.02.2017. Available at: https://www.esteri.it/it/sala_stampa/archivio_notizie/comunicati/2017/02/ucraina-alfano-non-c-e-alternativa/ (accessed 11.08.2022).

Ucraina: Mogherini, ancora possibile fermare crisi. Russia non annetta Crimea. Ministero degli Affari Esteri e della Cooperazione Internazionale. 16.03.2014. Available at: https://www.esteri.it/it/sala_stampa/archivionotizie/comunicati/2014/03/20140316_ucrpossfermcris/ (accessed 11.08.2022).

Алексеевкова, Е.С. (2022а). Италия в Средиземноморье: дилеммы «средней державы» // *Мировая экономика и международные отношения*. 1 (66): 80-90. [Alekseenkova, E.S. (2022a). Italy in the Mediterranean: the «middle power» dilemmas. *World Economy and International Relations* 1 (66): 80-90. (In Russian).]. DOI: 10.20542/0131-2227-2022-66-1-80-90

Алексеевкова, Е.С. (2022b). Реакция Итальянской Республики на специальную военную операцию России на Украине // *Аналитические записки Института Европы РАН* 9 (276): 63-70. [Alekseenkova, E.S. (2022). Reaction of Italy to the special military operation of Russia on the territory of Ukraine. *Analytical papers of IE RAS* 9 (276): 63-70. (In Russian).]. DOI: 10.15211/analytics1920226370

Арбатова, Н.К. (2015). Российско-итальянские отношения в контексте внешней политики Италии // *Италия в начале XXI века: Сборник статей по итогам конференции*. Отв. ред. А.В. Авилова, Ю.Д. Квашнин. М.: ИМЭМО РАН. С. 120-127. [Arbatova, N.K. (2015). Russian-Italian relations in the context of Italy's foreign policy. In: Avilova A.V., Kvashnin Yu.D. (ed.) (2015). *Italy in the beginning of the 21st century: Collection of articles following the conference*. Moscow: ИМЭМО РАН: 120-127. (In Russian).]

Владимир Колокольцев и Маттео Сальвини обсудили актуальные направления взаимодействия. Министерство внутренних дел Российской Федерации. 16.07.2018. [Vladimir Kolokol'tsev and Matteo Salvini discussed current areas of cooperation. Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 16.07.2018. (In Russian).] Available at: <https://мвд.пф/news/item/13822132> (accessed 11.12.2022).

Гаврилова, С.М. (2015). Россия и Италия сегодня: положительный опыт сотрудничества // *Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир* 4 (6): 127-138. [Gavrilova, S.M. (2015). Russia and Italy today: a positive experience of cooperation. *Vestnik Diplomatich-*

eskoj akademii MID Rossii. Rossiia i mir 4 (6): 127-138. (In Russian).]

Глава МИД Италии назвал Россию ключевым партнером. РИА Новости. 14.10.2020. [Italian foreign minister calls Russia a key partner. RIA Novosti. 14.10.2020. (In Russian).] Available at: <https://ria.ru/20201014/italiya-1579770285.html> (accessed 11.08.2022).

Заявление для прессы по итогам переговоров с Председателем Совета министров Италии Джулиано Амато. Президент России. 05.06.2000. [Press statement following talks with Italian Prime Minister Giuliano Amato. President of Russia. 05.06.2000. (In Russian).] Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24210> (accessed 11.08.2022).

Интервью Посла России в Италии С.С. Разова итальянскому информационному агентству AGI, 20.11.2019. Посольство России в Италии и Сан-Марино. 20.11.2019. [Interview by the Russian Ambassador to Italy S.S. Razov to the Italian news agency AGI, 20.11.2019. Russian Embassy in Italy and San Marino. 20.11.2019. (In Russian).] Available at: https://roma.mid.ru/ru/news/intervyu_posla_rossii_v_italii_s_s_razova_italyanskomu_informatsionnomu_agentstvu_agi_20_11_2019/ (accessed 11.08.2022).

Маслова, Е.А. (2011). Внешняя политика правительств Р. Проди и С. Берлускони (2006–2010) // На перекрестке Средиземноморья: «Итальянский сапог» перед вызовами XXI века. Отв. ред. Т.В. Зонова. М.: Весь Мир. С. 245-288. [Maslova, E.A. (2011). Foreign policy of R. Prodi and S. Berlusconi governments (2006–2010). In: Zonova T.V. (ed.) (2011). At the crossroads of the Mediterranean: «The Italian Boot» in front of the challenges of the 21st century. Moscow: Ves' Mir: 245-288. (In Russian).]

Маслова, Е.А. (2014). Внешняя политика Маттео Ренци: преемственность или новый курс? // Итальянская Республика в меняющемся мире. Отв. ред. А.А. Язькова. СПб.: Нестор-История. С. 44-48. [Maslova, E.A. (2014). Matteo Renzi's Foreign Policy: Continuity or Change? In: Iaz'kova A.A. (ed.) (2014) The Italian Republic in the changing world. Saint-Petersburg: Nestor-Istoriia: 44-48. (In Russian).]

Маслова, Е.А. (2016). Европеизм и атлантизм во внешней политике Италии // Международные процессы 4 (14): 106-115. [Maslova, E.A. (2016). Italian foreign policy between atlantism and eurocentrism. International trends 4 (14): 106-115. (In Russian).] DOI: 10.17994/IT.2016.14.4.47.8

Маслова, Е.А., Сорокова, Е.Д. (2019). Россия – Италия: концептуальный анализ двусторонних отношений // Современная Европа 1 (86): 48-59. [Maslova, E.A., Sorokova, E.D. (2019). Russia – Italy: Conceptual Analysis of Bilateral Relations. Contemporary Europe 1(86): 48-59. (In Russian).] DOI: 10.15211/soveurope120194859

Прудская, В.В. (2019). Политика Российской Федерации в отношении Европейского союза в периоды президентства Б.Н. Ельцина и В.В. Путина // Россия и современный мир 3 (104): 157-170. [Prudskaya, V.V. (2019). Policy of the Russian Federation towards the EU during the presidencies of Boris Yeltsin and Vladimir Putin. Russia and the contemporary world 3 (104): 157-170. (In Russian).] DOI: 10.31249/rsm/2019.03.08

С. Разов: Считаю Италию приоритетным партнёром. Международная жизнь. 24.04.2020. [C. Razov: We consider Italy a priority partner. International life. 24.04.2020. (In Russian).] Available at: <https://interaffairs.ru/news/show/26133> (accessed 11.08.2022)